

Глава 96. Иллюзорная Граница Сунсуй (часть четвёртая)

— Первый уровень иллюзии — перековка сердца Дао, — Цзян Чжуань наблюдал за двумя парящими водными зеркалами высотой в человеческий рост.

В зеркале, принадлежащем Цзян Сяньюню, юноша с мечом в руке стоял среди гор трупов и рек крови — его глаза налились кровью, а лицо исказилось в безумии. В другом зеркале, отражающем Цзян Гу, тот вновь превратился в малолетнего ребёнка, одетого в грубые одежды, напоминающие нищенские лохмотья. Он стоял перед рекой, а на каменной стеле рядом с ним кроваво-красными иероглифами было выбито — "Деревня Ста Зверей".

— Неужели этот Цзян Гу сформировал сердце Дао в столь раннем возрасте? — слегка удивился Цзян Иньчжун.

— Сяньюнь всегда был непослушным, — начал Цзян Чжуань, — лишь в пятнадцать лет он утвердил своё сердце Дао на Пути Убийства. Что касается Цзян Гу... — он улыбнулся, глядя на водное зеркало, в котором река за спиной мальчика постепенно окрашивалась в алый цвет, — когда он нашёл дорогу в клан Цзян, ему было уже восемь лет. Должно быть, он прошёл через немало страданий, чтобы утвердить своё сердце на Пути Бесчувствия. Без наставника, без отца, да ещё и с четырьмя духовными корнями — воистину, Небесный путь проявил к нему благосклонность.

Цзян Иньчжун сложил руки за спиной и встал перед водными зеркалами. Вдруг его лицо изменилось.

— Отец, вы заметили что-то неладное? — спросил Цзян Чжуань.

Цзян Иньчжун, не отрывая взгляда от отражения Цзян Гу, медленно прищурился:

— Этот ребёнок от рождения должен был обладать пятью духовными корнями.

Цзян Чжуань инстинктивно возразил:

— Невозможно! Когда он прибыл в клан Цзян, проверка показала наличие четырёх духовных корней. Если бы у него было пять, он не смог бы даже переступить порог культивации.

— Вот что действительно интересно, — задумчиво произнёс Цзян Иньчжун.

Тем временем в иллюзии Сунсуй...

Вэй Фэн с трудом открыл глаза и, обнаружив себя в незнакомой обстановке, мгновенно оцетинился.

Шерсть?

В шоке он попытался подняться, но обнаружил, что его рост практически не изменился, стоит он или лежит. Он тут же попытался позвать учителя, но вместо слов из горла вырвалось хрипкое «ау-уф»

Издали к нему приближалась группа детей в грубой одежде. Одна пронизательная девчушка первой заметила его и вскрикнула:

— Ой, откуда взялся этот щенок? Какая у него уродливая шерсть!

Остальные дети, проследив за её пальцем, тут же загалдели на разные голоса.

— Может, это щенок той пятнистой собаки от деревенских ворот? — Точно нет, у той жёлтая шерсть, а посмотри на него — чёрный, белый, серый, коричневый... фу, ещё и рыжие пятна! — Зато глаза красивые, круглые такие. — Всё равно страшный. — Его мать, наверное, красок нахлебалась, когда рожала! — Ха-ха-ха-ха!

Толпа разразилась безжалостным смехом.

Вэй Фэн чувствовал, как от ярости над головой вот-вот поднимется дым, но решил не обращать внимания на этих несмышлёнышей. Самым важным сейчас было найти Цзян Гу. Он поднял морду и принялся, уловив в воздухе едва заметный утончённый аромат, но не смог определить его направление.

— Ладно, пошли быстрее! — самый старший мальчишка взмахнул рукой. — Говорят, в деревню пришли двое культиваторов, собираются взять учеников! Все за мной, и ты, малыш Цзян, не отставай!

Дети шумной ватагой умчались прочь, несколько раз случайно пнув Вэй Фэна, отчего тот, дезориентированный, распластался на земле. Непонятная волна печали вдруг затопила его сердце.

«Такой уродливый щенок никому не нужен», — мелькнула мысль.

Последним мимо него проходил ребёнок с бесстрастным лицом, и воздух наполнился сильным ароматом, присущим только Цзян Гу.

Вэй Фэн, мгновенно воспрянув духом, преградил ему путь:

— Учитель! Учитель! Это я, Вэй Фэн!

Однако для Цзян Гу его слова прозвучали лишь как хриплый собачий лай.

Он мельком взглянул на нелепое существо с беспорядочными пятнами по всей шкуре, и с ледяным равнодушием перешагнул через него.

— Ау-уф?! — в недоумении твякнул Вэй Фэн.

Глубокая осень окутала эти земли золотом и багрянцем. Местные линии духовной энергии, хоть и богатые, были слишком беспорядочны для культивации, но прекрасно подходили для выращивания духовных зверей — отсюда и название "Деревня Ста Зверей".

Староста деревни, Хо Даву, крепкий мужчина средних лет, управлял поселением, где большинство жителей были обычными людьми, зарабатывавшими на жизнь разведением низкоуровневых духовных зверей. Эти существа редко обладали разумом и обычно использовались для приготовления духовной пищи или в качестве ездовых животных. Деревня не могла похвастаться богатством, но никто не голодал и не мёрз.

Духовных зверей продавали мелким сектам и странствующим культиваторам, так что жители порой сталкивались с адептами боевых искусств. Раз в несколько десятилетий среди деревенских детей рождался ребёнок с духовными корнями, которого забирали культиваторы, что считалось честью для всей семьи.

Сегодняшние гости прибыли не только за духовными зверями, но и узнав о возможном присутствии одарённого ребёнка, потому староста Хо и созвал всех жителей.

Осенний ветер разносил опавшие листья, пока Цзян Гу неторопливо шёл за группой детей и животных. За ним неотрывно следовал щенок пёстрой масти, который, поскуливая, пытался прижаться к его ногам.

Подросток, ведущий детей, звался Хо И — младший сын старосты. Вся эта шумная процессия наконец остановилась перед воротами его дома.

Из-за своего малого роста Цзян Гу не мог разглядеть происходящее впереди, но хорошо слышал диалог двух культиваторов:

— Все дети собрались? — Проверим их духовные корни по очереди.

Последовало бурное волнение среди детей — каждый надеялся оказаться избранным счастливым.

Прошло немало времени, прежде чем все впереди стоящие прошли проверку. Кроме Хо И, оказавшегося обладателем пяти духовных корней, у остальных детей корней не обнаружилось, чем оба культиватора были явно разочарованы.

— Странно, — сказал один из них, носивший знак младшей ветви клана Цзян — скромный символ низкоранговых культиваторов, занимающихся снабжением. — Камень для проверки показывал сильную реакцию, а пять корней это...

Нынешний Цзян Гу мгновенно узнал этот знак, хотя в детстве не осознавал, кем был его обладатель.

— А кто этот ребёнок? — спросила культиваторша, указывая на Цзян Гу.

— А, этот малыш? — отозвался староста. — Появился в нашей деревне недавно, похоже, беженец из какого-то разорённого места. Увидели, какой бедолага, вот и подкармливаем по очереди. Живёт в храме у окраины.

— Дитя, положи руку на камень, — свысока произнесла женщина.

Цзян Гу поднял руку и коснулся проверочного камня. Вспышка ослепительного золотого света заставила всех отшатнуться, даже культиваторов. Но когда сияние угасло, камень показывал лишь тусклое свечение пяти цветов.

— Пять духовных корней? — мужчина был явно удивлён такой заурядностью после столь мощного всплеска.

Женщина-культиватор, ощутив подвох, опустилась на одно колено перед Цзян Гу и потянулась рукой к его виску. Мальчик инстинктивно хотел отпрянуть, но усилием воли заставил себя остаться на месте.

Яркая отметина Красной Птицы медленно проявилась у его виска.

Вэй Фэн с удивлением рассматривал эту парящую в полёте алую птицу у виска Цзян Гу — на детском лице отметина выглядела несоразмерно и чужеродно. Он почему-то ощущал, что такая печать должна принадлежать Цзян Гу в его нынешнем возрасте, а не ребёнку.

— Это отметина Красной Птицы, ещё птенца, — заметила женщина, и её взгляд мгновенно изменился. — Судя по цвету, хоть и не из главной семьи, но из весьма влиятельной боковой ветви.

Но ведь у Цзян Гу в уголке глаза была вполне зрелая Красная Птица.

Вэй Фэн переводил взгляд с культиваторов на Цзян Гу, постепенно осознавая — это иллюзия прошлого.

Мужчина-культиватор обратился к Цзян Гу: — Ты знаешь, что принадлежишь к клану Цзян?

— Знаю, — ответил тот.

— А кто твои родители? — спросила женщина.

Цзян Гу сжал губы, настороженно глядя на них.

Культиваторша улыбнулась: — Не бойся. Ты, видимо, потерянный молодой господин нашего клана. Если назовёшь имена родителей, мы поможем тебе найти их.

Взгляд Цзян Гу похолодел, он не хотел говорить, но по законам иллюзии, где прошлое неизменно, его детский голос произнёс: — Мой отец — Цзян Юань.

Услышав это имя, оба культиватора заметно изменились в лице.

Вэй Фэн ощутил две волны убийственного намерения, от которых шерсть встала дыбом. Он бросился к ногам Цзян Гу, пытаясь призвать призрачные отметины, но безрезультатно.

— Цзян Юань, значит... — культиваторы переглянулись и решительно обнажили мечи.

— Ч-что происходит? — староста Хо попытался вмешаться, но луч духовной энергии пронзил его между бровей, и он рухнул на землю, истекая кровью из всех отверстий тела.

— Отец! — закричал Хо И.

Собравшиеся поглазеть жители и дети в ужасе разбежались, духовные звери, испугавшись, начали метаться во все стороны.

Но куда им было тягаться с культиваторами? Даже без помощи напарника один из них в мгновение ока уничтожил всех живых существ вокруг.

Остались только маленький Цзян Гу и щенок у его ног.

Вэй Фэн вцепился зубами в подол его одежды, пытаясь оттащить прочь, но Цзян Гу словно застыл на месте.

— Учитель! — отчаянно звал Вэй Фэн, но его голос превращался лишь в хриплый лай.

— Для твоего возраста неплохая выдержка, — сказала культиваторша, — жаль, что ты всего лишь пятикорневик. Вернувшись в клан Цзян, ты годился бы только на корм.

Она направила удар духовной энергии прямо в даньтянь мальчика.

Вэй Фэн бросился наперерез, готовый принять удар на себя, понимая, что нынешняя сила Цзян

Гу почти нулевая. Но в полёте его придавила к земле рука Цзян Гу, и атака едва не задела его бок.

Цзян Гу же отбросило как сорванный ветром лист.

— Учитель! — Вэй Фэн помчался к нему.

В момент падения Цзян Гу наконец вернул контроль над своим телом, но даже так едва мог двигаться. Его сознание погрузилось в глубины собственного духовного моря.

— Даже жаль убивать никчёмного пятикорневика, который не сможет культивировать, — донеслись издали слова.

Впервые он увидел мир глазами изначального духа — души жителей Деревни Ста Зверей и их животных рыдали и выли в воздухе, а двое культиваторов возвышались над всем этим, решая судьбы жизни и смерти одним лишь жестом.

Ближе всех к нему лежало тело Хо И — всего полчаса назад он принёс Цзян Гу миску горячего куриного бульона. Для Цзян Гу, юного пятикорневика, начинавшего путь культивации, эти дни в Деревне Ста Зверей были самыми безопасными и сытыми с тех пор, как он покинул Крайний Юг. Он ещё не мог питаться только духовной энергией, и жители по очереди звали его к столу или посылали детей с едой. А звери проявляли такую привязанность, что позволяли ему спать на своих тёплых животах в холодные ночи...

Казалось бы, давно забытые воспоминания вдруг обрели необычайную яркость и чёткость.

Цзян Гу даже учуял аромат того самого куриного бульона, ощутил ритмичное, согревающее дыхание низкоуровневых духовных зверей.

Но сейчас, в этой иллюзии, он не испытывал таких чувств, пока не увидел тела и кровь — разбитую миску у своих ног, превратившуюся в алую зловонную лужу.

А два культиватора смотрели на него, как на муравья, которого можно раздавить в любой момент.

С рождения мать, Гу Цинхуэй, учила Цзян Гу быть хорошим человеком.

«А-Ши, когда вырастешь, стань таким же человеком, как твой отец. Его зовут Цзян Юань, он благородный культиватор, никогда не убивающий невинных.»

«Будь благородным мужем, люби себя и других, даже в трудностях никогда не сдавайся.»

«Унаследуй сердце Дао своего отца, спасай мир, будь бесстрашным.»

«Вернувшись в клан Цзян, не уподобляйся им, не относись к чужим жизням как к сорной траве, помни свои истоки.»

«А-Ши, никто не вправе отнимать чужую жизнь просто так.»

Но он не убивал других — другие хотели убить его.

Цзян Гу слегка нахмурился — он не помнил, чтобы Гу Цинхуэй говорила ему эти слова. Возможно, она произносила их, но они стёрлись из его памяти.

Он знал, как убить этих двух культиваторов, но такой метод уничтожил бы все души, включая жителей деревни и зверей. Он мог сбежать, чувствуя лишь лёгкую вину, сохранив свою жизнь и дав душам шанс на перерождение.

Цзян Гу всмотрелся в пять разноцветных духовных корней, обвивающих его даньтянь. Изначальный дух протянул руку и схватил самый тонкий, вырвав его с вспышкой золотого света.

Невыразимая боль пронзила всё тело — разрыв корня высвободил неистовую духовную энергию, которая устремилась прямо в межбровье двух приближающихся культиваторов клана Цзян. Не успев оправиться от шока, они рухнули, истекая кровью из всех отверстий.

В точности как жители Деревни Ста Зверей, убитые ими.

Цзян Гу бесстрастно стоял среди крови, глядя на недавних собеседников и друзей, на зверей, приходивших греть его по ночам, на постепенно увядающий в ладони духовный корень.

С пятью корнями нельзя культивировать — что ж, он вырвал один из них. Его хотели убить — он убил первым. Если бы эти добросердечные крестьяне не приютили его, они бы не встретили такую страшную смерть. Если бы он не привязался к Хо И и остальным "друзьям", они не погибли бы вместе с ним.

Наставления Гу Цинхуэй ещё звучали в ушах, но Цзян Гу уже не мог следовать им. Он лишь хотел выжить, вернуться в клан Цзян, встретиться с Цзян Юанем и спросить, почему его Путь Спасения Всего Живого не спас Гу Цинхуэй, почему не спас жителей Деревни Ста Зверей.

Это было первое убийство Цзян Гу, первое столкновение со смертью. Его разбитый изначально дух парил над морем трупов и крови, взирая на всё с холодным безразличием.

Он выбрал Путь Бесчувствия.

Не испытывать чувств к другим и не принимать их чувств, твёрдо следовать по Великому Пути, жить без оков привязанностей.

Грязная лапа коснулась его окровавленной груди, и Вэй Фэн отчаянно позвал: — Учитель! Учитель, очнись!

Цзян Гу с трудом открыл глаза, встретившись со взглядом тёмных, ярких глаз.

— Учитель! — Вэй Фэн ткнулся в него головой.

Цзян Гу поднял руку и сжал его шею — стоило убить последнее живое существо, и первый уровень иллюзии был бы пройден. Воспоминания о прошлом не имели для него значения.

Вэй Фэн не сопротивлялся. Вместо этого он отчаянно вилял хвостом, лизал кровь с рук Цзян Гу: — Учитель, не бойся, я обязательно спасу тебя отсюда!

Цзян Гу закрыл глаза. Настоящая Деревня Ста Зверей давно исчезла с лица земли, когда ему было шесть лет. Души жителей и зверей рассеялись без следа, когда он попытался отомстить за них. Споры о правильности и неправильности его не волновали — выживание было единственным, что имело значение.

Он знал ещё до входа в иллюзию, что в конце придётся убить то, что ему дороже всего. Он

думал, это будет Красный Снег, или Гу Цинхуэй, или, в крайнем случае, Цзян Линь.

Но он и представить не мог, что это окажется Вэй Фэн.

И уж тем более не ожидал, что в его подсознании тот предстанет как пёстрый щенок с неприглядной шерстью и... красивыми глазами.

Просто нелепость.

<http://bllate.org/book/13687/1212695>